

словам, это мрачная, темная и бесчеловечная деятельность. Концепция автора воплощается не только в прямых высказываниях, но и в репликах героев, не только в тексте, но и в подтексте. С. Есенин, несомненно, очень хотел влиться, встроиться в новую послереволюционную реальность и прилагал для этого отчаянные усилия, но в стихах он не мог покривить душой. Вот, например, стихи, которые приводили как яркое свидетельство его отречения от золотой деревенской Руси в пользу индустриальной цивилизации: «И, внимая моторному лаю / В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, / Ни за что я теперь не желаю / Слушать песню тележных колес». Но если действительно проникнуться мироощущением поэта, то можно понять, что вопреки очевидности нет для него ничего более желанного, чем песня тележных колес, потому что там – песня, а тут – лай. И когда поэт заявляет: «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь», – это совершенно не значит, что он действительно не верит. Разве стал бы атеист просить положить его «в русской рубахе под иконами умирать»? Высшей точкой подвижничества С. Есенина был прямой диалог с персонифицированным злом, черным человеком, самим дьяволом, пытающимся совратить лирического героя с истинного пути веры и добра, и полная победа над ним, выразившаяся в самом выявлении его существования. Ибо тьма боится света.

В годы революции подлинным христианским подвигом было не ожесточиться, продолжать отстаивать истинные ценности патриотизма, гуманности, искренности в дружбе и любви. При всем бунтарстве и непокорности самым ценным из сердечных свойств человеческой души он считал, видимо, кротость. И ива у него – «кроткая монашка», и «Русь кроткая», и в царевнах поэта привлекает, прежде всего, «кротость юная в их ласковых сердцах». В стихах, посвященных русским царевнам, которые поэт написал буквально накануне революции, он предугадал трагическую судьбу членов царской семьи, сходную с его собственной, и призвал помолиться за них: «Все ближе тянет их рукой неумолимой / Туда, где скорбь кладет печать на лбу. / О, помолись, святая Магдалина, / За их судьбу». Чуткий поэт с тонко организованной психикой предчувствовал и прозревал свою скорую гибель: «Скоро, скоро часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час!», «Скоро белое дерево сринит головы моей желтый лист...» Светлый и солнечный талант оказался в темном и заблудшем мире, но радость жизни, вера в Христа и спасение так или иначе побеждают в его стихах.

Е.Н. Васильева

ЧУВСТВО ПРИРОДЫ В ПРОЗЕ И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

Основной для И. С. Соколова-Микитова является традиционная для русской литературы тема – человек и природа. Писатель полагал,

что, познавая мироздание, частью которого он является, человек познает сам себя. Поэтому собственный духовный путь осознал Иван Сергеевич как поиск гармонии и единения с природой.

И. С. Соколов-Микитов – автор повестей и циклов рассказов о природе: «На речке Невестнице» (1923-1928), «На теплой земле» (1922-1954), «Рассказы охотника» (1923-1946), «Голубые дни» (1914-1928), «Белые берега» (1930), «У синего моря» (1930-1937), «Детство» (1931-1953), «По горам и лесам» (1936-1946), «По лесным тропам» (1920-1960), «Звуки весны» (1948-1954). И.С. Соколов-Микитов претворил в сюжетах и образах природы эпическое народное сознание, этические и эстетические представления народа. Он создал географический портрет России. Автор рисует слаженное единство в природе большого и малого, диалектическое богатство естественных связей мира.

Одной из центральных тем в творческом наследии писателя является тема охоты. На протяжении веков охота была тесно связана с бытом русского народа и нашла достойное отражение в творчестве как выдающихся художников слова: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, С. Аксакова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, В. Бианки и др., – так и в творчестве писателей, известных лишь узкому кругу читателей: А.Н. Савельева, А.П. Сабанеева, Н.А. Зворыкина. Л.В. Гурленова замечает, что «тема охоты в русской литературе – самостоятельный и очень непростой предмет изучения. Это одна из самых развитых тем в русской литературе»¹.

И.С. Соколов-Микитов обращается к теме охоты на протяжении всей своей творческой жизни. Он претворил в сюжетах и образах природы эпическое народное сознание, этическое и эстетическое представления народа. В устном народном творчестве нашла отражение история развития охоты от простой добычи диких животных в целях жизнеобеспечения до ее высшего проявления, охоты-искусства. Во многих фольклорных произведениях охота показана как неподвластная страсть, подсознательное увлечение, как громадный, чарующий, необъятный мир. Интересны в этом отношении пословицы: «Охота пуще неволи», «Охота – природа человека», «Без охоты и человек болван», «Работа выучит, охота вылечит» и т.п.

Особенно популярными охотничьи рассказы становятся в конце XIX – начале XX веков. В это время издавалось около 10 известных крупных журналов, содержанием которых была охота и все, что с нею связано. Среди них: «Охота», «Природа и охота», «Журнал охоты» (издания под редакцией известного ученого-биолога, охотоведа, рыболова и охотника Л.П. Сабанеева), «Охотник», «Боец-охотник», «Уральский

¹ Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920-1930-х годов. Сыктывкар, 1998. С. 51

охотник», «Охотничьи просторы» и т.д. Журналы не только предлагали читающей публике занимательные рассказы, байки охотников, но и знакомили с премудростями и хитростями охоты, рассказывали о животных, птицах, рыбах, которые становились объектом внимания на охоте. Замечательной в этом отношении стала книга Н.А.Зворыкина «Повадки животных»¹ (первоначально была опубликована по главам в журнале «Охотник»). И.С. Соколов-Микитов познакомился с автором в редакции охотничьего журнала. Зворыкин как беллетрист был известен еще до революции. Его рассказы и очерки часто появлялись в различных периодических изданиях, а два даже были напечатаны в журнале «Русская мысль», литературно-художественный отдел которого вел А. Блок. Иван Сергеевич хорошо знал книги Зворыкина «Повадки животных», «Охота по перу» и, конечно, «Охота на волка», последнюю в свое время хвалил ему Пришвин, отмечавший, что даже в деловом отношении Зворыкин остается мастером, у которого органически сочетаются научность и художественность. Соколов-Микитов не раз выезжал со Зворыкиным на охоту. Из этих поездок он возвращался не только с богатыми охотничьими трофеями, но и с ценными наблюдениями, которые служили ему материалом для рассказов и очерков.

Интерпретация темы в рамках установленной модели глубоко отлична у каждого из писателей. И.С.Тургенев проводил мысль, что охота была частью дворянского усадебного быта, стилем жизни, который наследственно передавался. С.Т. Аксаков по этому поводу замечает: «Нельзя оспаривать, что охота передается воспитанием, возбуждается примером окружающих»². Эта мысль была очень близка И.С. Соколову-Микитову. В «Детстве» он пишет: «В молодости был дед неутомимым и горячим охотником-держателем»³. В повести «На теплой земле» автор продолжает: «Отец рано стал брать меня на охоту и научил стрелять. Из своего маленького ружья почти без промаха я срезал на лету птиц. От отца перешло ко мне поэтическое чувство природы. Отец любил лес особенной, бодрой любовью охотника» (1, 224). Таким образом, Соколов-Микитов в литературе XX века продолжает мысль о том, что охота — это чувство врожденное, передающееся от поколения к поколению.

Л.Н.Толстой, интерпретируя тему охоты, акцентирует внимание на масштабности этого процесса. В «Войне и мире» охота — это целый самостоятельный театрализованный мир. Охота становится не столько средством для получения эстетических наслаждений, сколько забавой,

¹ Зворыкин Н.А. Повадки животных // Охотничьи просторы. 1997. Кн. 3. С. 155-183.

² Аксаков С.Т. Собр. Соч.: В 5 т. М., 1966. Т.5. С.314.

³ Соколов-Микитов И.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1986. Т.1, С.68. Далее цитируем по данному изданию с указанием тома и страницы в скобках.

острым развлечением. Ю.М. Лотман называет это театрализованной моделью поведения¹.

Именно о такой охоте пишет И.А. Бунин в «Антоновских яблоках». Как известно, И.С. Соколов-Микитов боготворил Бунина. Когда читаешь отдельные страницы «Елени», то бесспорно чувствуешь влияние бунинской прозы на молодого автора. Тот же охотничий ритуал, почти та же сюжетная ситуация и даже охотничий трофей оказывается «бунинским» – убитый волк. Надо отметить, что это, пожалуй, единственное произведение Соколова-Микитова, где охота воспринимается как театрализованное представление, особый ритуал. Чаше у него театрального свойства: «Я чувствую себя как бы в сказочном театре. На богатую удобную ложу похож скрывающийся меня густой куст камыша. Из ложи я наблюдаю невиданное представление, диковинный птичий балет. Актеры-птицы то скрываются в камыше, то опять появляются на освещенной солнцем зеркальной сцене» («По звериной тропе», 3, 73). Для Соколова-Микитова характерно изображение ружейной охоты. Хотя в ней тоже есть свои «ритуальные» моменты: костер, охотничьи байки. «Есть поэтическое, привлекательное в охотничьем ночлеге, – пишет автор в «Ночи у костра». – Мы, охотники, счастье свое находим у огня в лесу. Здесь мы слушаем дыхание земли, а сердца наши крепко и радостно бьются. Искры улетают в небо, и как ладно, легко течет наша беседа...» (3, 146). В этом он близок И. Тургеневу, С. Аксакову, А. Куприну.

«Каждая охота хороша... – отмечал А.Н.Савельев. – И псовая, и ружейная»². Охота – это способ общения с природой, путь единения человека с ней, а ружье, легавая, гончая, удочка – только средства к этому. А.Н.Савельев замечает: «Мало надеть сапоги, взять ружье и собаку и отправиться стрелять. Такого человека нельзя назвать охотником – это будет егерь или спортсмен. Нужно, чтобы все красоты природы, вся жизнь, рассеянная в ней, находила глубокое сочувствие в охотничьем сердце. Чтобы любить природу, нужно родиться с охотничьей душой. Для такого охотника цель охоты – не количество добычи, а количество красот природы»³. В письме К. Федину И. Соколов-Микитов пишет: «Только этой осенью я почувствовал себя настоящим охотником, то есть мне теперь не хочется убивать зверя, и я зверя жалею» (4, 299). В рассказе «Охота в тайге» писатель развивает эту мысль: «Убить глухаря нетрудно. Труднее стать разумным, дельным охотником, т.е. страстно, самоотверженно увлекаться охотой. Есть особенный тип охотников, для которых охота – вторая натура. Своим домашним уютом, удобствами, иногда служебной карьерой готов пожертвовать такой заядлый охотник.

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб, 1999.

² Савельев А.Н. Ружейная охота в болоте// Охотничьи просторы. 1997. Кн. 1. С. 188.

³ Там же. С.186.

Разумеется, не страсть к наживе («ружье да уда кормят худо!» – справедливо гласит пословица), но особенное поэтическое чувство, любовь к природе увлекают этих охотников-поэтов» (3, 171). Даже в самом простом таежном охотнике обнаруживаются поэтические черты. Корни их нужно искать в детстве. «В охоте, в давнишних морских скитаниях, в лесных поэтических ночлегах оживал во мне светловолосый мечтательный мальчик, – пишет Соколов-Микитов в повести «На теплой земле» (1, 219). «В первых детских скитаниях я научился фантазировать, пылко мечтать, – продолжает автор. – Как первобытный дикарь, окружающую меня природу я населял живыми сказочными существами. Оставшись в лесу один, случалось, я оглядывался, чтобы застать вымышленный мною невидимый мир. В детстве я жил сказочным вымыслом, снами, подчас подменявшими действительность» (1, 224). Русалками, лешими, поэтическими созданиями пылкой фантазии населил некогда первобытный охотник леса. Нужно обладать горячим воображением, чтобы в явлениях природы разглядеть фантастический образ, как это сделал И.С. Соколов-Микитов в рассказе «Железное дерево»: «Я останавливаюсь под деревом, поразившим меня формой своих ветвей. Передо мною высится как бы огромная фантастическая скульптура. Вижу страшного великана, его поднятые, грозно скрещенные над головой руки. Кажется, некий чудака-художник, фантазия которого была беспредельна, многие сотни лет трудился в сказочном этом лесу. Я различаю заросшие зелеными бородами головы, страшные туловища чудовищ» (3, 84).

Автор убежден, что «в создании народной поэзии, несомненно, принимал участие охотник. В тайге, под шум ветра, мерещились охотнику видения и звуки. Непоколебимо верил он в заговоры и дедовские приметы» (3, 171). Например, среди охотников принято считать, если «вымыть руки в крови убитого им животного, то удача не отвернется от него и в будущем. По мнению писателя, охота доставляет человеку прежде всего эстетическое удовольствие и несет в себе созидательное начало. «Осторожному охотнику удастся иногда подойти близко к оленю, увлекшемуся любовной игрой. Редкое удовольствие испытывает такой счастливец. Он видит влюбленного рыцаря, гордо поднявшего голову, украшенную ветвистыми рогами. Ожидая возлюбленную, олень трепещет. Горе сопернику, осмелившемуся приблизиться. Рука не поднимается у охотника стрелять в прекрасное животное...» («Рев оленей», 3, 144). Или: «Весенняя русская охота на тяге всегда была моей любимой. На этой охоте чуткий охотник слышит каждый звук пробуждающейся земли. Радостное поэтическое чувство возникает в душе. Недаром так любили эту весеннюю русскую охоту великие русские писатели и поэты» («Вальдшнепы», 3, 469).

Таким образом, самым важным и привлекательным в охоте была для писателя возможность оставаться наедине с природой, подслушивать ее «сокровенные движения и звуки». В рассказах «На глухаринном

току» и «Звуки весны» он заставляет нас почувствовать всю прелесть ночного весеннего леса, понять состояние охотника, который в таинственный предрассветный час, забыв о своем ружье, долго слушает «прекрасную симфонию весеннего утра». А в рассказе «Заяц» делает свидетелями забавной встречи с зайчиком-беляком, которая произвела на писателя куда больше впечатлений, чем самая удачная охота. «Я как бы и теперь вижу лес, тихое утро, – вспоминает писатель в конце рассказа, – слышу свист рябчика, отчетливо вижу зайчишку-беляка, мокрые его поточки» (3, 503-504).

Так же как Аксаков, Пришвин, Соколов-Микитов не столько воспевают природу, сколько поэтически одушевляет ее, донося до читателя все разнообразие существующих в ней оттенков света, звуков и цвета. Нужно очень хорошо чувствовать природу, чтобы так лаконично, но в то же время предельно зримо передать ощущение от весеннего вечера в лесу: «С ружьем в руках мы стояли на весенней тяге. За рекою за лесом закатывается солнце. Слышно, как дышит, пробуждается после долгого зимнего сна земля, покрытая прошлогодней опавшей листвою, сквозь которую уже пробиваются зеленоватые стрелки оживших растений» («У светлых истоков», 3, 360).

В своих произведениях И.С. Соколов-Микитов часто одновременно выступает и как натуралист, и как художник: «Длинные пальцы султанки устроены так, что эта птица, величиною едва уступающая домашней курице, не проваливаясь и не завязая, легко бежит по самым топким местам. Точно нарядные маркизы в старинном чопорном танце, раскланиваясь и обмахиваясь веерами, друг за другом следуют птицы» («По звериной тропе», 3, 71). Писатель изображает природу как неразрывно слитый с человеком мир. Только охотник действительно знает природный мир: повадки, характер зверя и птицы, жизнь растений, приметы движения годового цикла. Охотники-односельчане наделены звериным чутьем и повадками – «сошли с дороги, осыпая навесь с деревьев, и, как волки, по нюху, след в след, пошли через колоды», а кругом лес «стоит молча, кроет и зверя, и человека» («В лесу»). Зелеными, «лесовыми» глазами провожает древний дед, лесной житель, путешественника («На светлых озерах»). А над путником стоят «обросшие сизыми бородами деревья-деды... и сверху им видно, как ползает внизу крохотный человечек». Чуждо и глухо звучит в лесу выстрел, и «почеловечьему» притихает лес. Путешественнику кажется, что деревья «насторожили невидимые свои уши, и тысячи синих глаз недобро глядят, как, теряя пух, бьется на зеленом мху подстреленная птица.

Соколов-Микитов глубоко убежден, что не всякий человек может быть охотником. Охота – это искусство: «Искусство меткой стрельбы требует большого опыта и умения и, как всякое искусство, дается только немногим» (3, 46). Охота – состояние души. Охотник обладает особым чувством: «Опытный охотник не незаметным для неумелого

глаза приметам с замечательной точностью находит в тайге удобные для охоты места. Бывает так: взглянешь на лесную вырубку или перелесок, и станет вдруг несомненно – тут ищи выводок, а тут пройдет зверь... Чувство это охотника редко обманывает» (3, 170). Охотники, по мнению писателя, принадлежат к особенному и счастливому племени. Они – наблюдатели природы, не разучившиеся «слышать и видеть движение соков земли». Человек и природа – это составные части единого неделимого целого. Если эта связь по каким-либо причинам утрачивается, то «берегись, неосторожный охотник». «Каждую минуту может разрушиться сказочное очарование» таинственной тишины леса.

Чувство любви к природе остро ощущается автором в момент охоты: «Хорошо было любоваться на великое птичье раздолье! Ружья нетронуты лежали на дне лодки» («В заливе», 3, 52). Или: «Когда я переставал стрелять, лесная природа приближалась ко мне» («Глухари», 3, 458).

Л.В. Гурленова справедливо замечает, что тема охоты в русской литературе «представляет собой «систему систем»: в ней сформировалось множество позиций, каждая из которых сложно организована и внутренне противоречива; последнее связано с тем, что писатели нередко пытаются примирить в изображении охоты непримиримое: право человека убивать и право преследуемого им существа на жизнь»¹. Следовательно, необходимо остановиться на нравственной стороне вопроса. Противоречие, заложенное в основу проблемы, не могло не отразиться в прозе Соколова-Микитова. В автобиографической повести «На теплой земле» мы можем наблюдать, как ребенок относится к убитой добыче. Сначала после выстрела отца «с любопытством брал я в руки еще трепетавших, судорожно бившихся птиц. Детскому возрасту несвойственны мысли о кратковременности и бренности нашей жизни» (1, 223). Затем мальчик впервые сам взял ружье. «С диким восторгом кинулся я к моей первой добыче. Я чувствовал себя героем. Маленькая птичка серым легким комочком лежала в моей руке. Мне было немного жалко маленькую, напрасно застреленную птичку» (225). Прошло время, и герой не испытывал «ни малейшей жалости», поднимая «огромную, еще живую, трепещущую птицу» (226). Уже гораздо позже, став настоящим охотником, автор пытается «примирить непримиримое»: «Жадным охотником я никогда не бывал и даже на самых обильных токах не убивал больше двух птиц» (3, 458). В рассказе «Ночь в камышах» он описывает охоту на птиц сетями, в которой сам принимал участие. А в «Птичьем заповеднике» не без радости сообщает, что «ловля птицы сетями... теперь запрещена законом» (3, 50). Писатель уверен, что, оберегая природу, разумно «используя» ее богатства, создавая заповедники, человек приобретет гораздо больше: «Там, где беспощадно истребля-

¹ Гурленова Л.В. Указ. соч. С.51.

лись миллионы редкой дичи, почувствовав безопасность, непуганая птица с полным доверием относится к своему хозяину-человеку» (3, 51). И все же данное противоречие до конца автором не преодолевается. Так, в письме В. П. Полонскому находим: «Охота – главное мое удовольствие» (4, 318), а в «Записных книжках», И. Соколов-Микитов с горечью замечает: «Жестокая страсть – охота. И эту жестокость давней привычки начинаешь понимать только в старости» (4, 236).

Необходимо отметить и то, что вслед за М. Пришвиным Соколов-Микитов признавал охоту и как средство пропитания, особенно важное для сельских жителей: «Ружье кормило охотника, как кормят крестьянина коса и плуг» («На перелете», 3, 45). Охоту он представляет как форму естественной органической связи с природой человека, живущего по законам природного мира, не тронутого цивилизацией. «Тема охоты и рыбной ловли как бы является поэтической заповедью, основой внимания и любви. В классической русской литературе такая охотничья тема недаром занимала и занимает видное место. Это объясняется особенностями нашей природы, укладом и бытом русских людей, живущих на великих пространствах родной земли» (4, 218). Это особенно характерно для жителей северных областей, где охота является средством физического выживания. Но даже там могут быть «нравственные» ограничения. Во многих регионах России сложилась традиция любовного, уважительного отношения к лебедям. Пришвин, например, «В краю непуганых птиц»¹ пишет, что на севере России убийство лебедя считалось великим грехом. Эта птица в нашем представлении – идеал красоты, белое оперение является символом чистоты, полет – символом вольности, крик лебедей воспринимается как знак прощания: «Белые лебеди, вспугнутые голосами, широко расправляют свои паруса-крылья, бьют по воде и, далеко вытянув белые шеи, летят куда-то в синее лесовое и водяное царство. И долго-долго слышатся над лесом и озером их трубные, архангельские голоса» (1, 331). Лебедь – существо гордое, независимое. С ним связаны легенды о преданности и верности в любви. Лебедь, таким образом, олицетворяет собою мечту о высокой любви. «На всей земле вряд ли есть птицы красивее наших северных лебедей... – пишет Соколов-Микитов. – Лесные жители охотники никогда не стреляют прекрасных лебедей, считая убийство лебедя большим грехом» («Лебеди», 3, 408).

Итак, в творчестве Соколова-Микитова большое место занимают рассказы о природе и охоте. В этих произведениях нет необыкновенных происшествий, хотя приключенческий компонент, безусловно, присутствует («Лесные робинзоны», «В заливе», «В горном лесу», «Охотничий край» и др.): «Немножко чувствуем себя героями приключенческого романа. Мы, как куперовские следопыты, пробираемся камышами» (3,

¹ Пришвин М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1982.

52). Да и выстрелы в этих рассказах звучат не так уж часто. Мы ощущаем в них умиротворяющую силу природы и свою сопричастность тому, что в ней происходит. В «Автобиографических заметках» Соколов-Микитов замечает: «Зажженная моим отцом любовь к природе никогда во мне не погасла. С охотничьим ружьем в руках много раз побывал я в самых далеких краях нашей страны»¹

И. С. Соколов-Микитов называет описание своих охотничьих странствий очерками. Но с этим определением нельзя полностью согласиться. В некоторой степени они сближаются с лирическими рассказами, в которых порой чувство преобладает над мыслью. Авторское «я» с его личной заинтересованностью и лиризмом восприятия неизменно присутствует в каждом, даже самом маленьком фрагменте рассказа. Не случайно и повествование автор разбивает на краткие главы, из которых каждая имеет самостоятельное не только сюжетное, но и лирическое значение.

Некоторые новеллы цикла «Рассказы охотника» публицистичны. В них Соколов-Микитов выступает как защитник природы, осуждая потребительское отношение к ней. Охота, считает писатель, не нажива, а поэзия, возможность остаться наедине с природой, любовь и интерес к которой он стремился привить своим читателям.

А.М. Бойников

КОНЦЕПТЫ «ДОМ», «ПРИРОДА», «ВОДА» В СТИХОТВОРЕНИИ Н.И. ТРЯПКИНА «ЛЕГЕНДА»

Одним из продуктивных направлений современной филологии становится исследование художественного мира писателя с позиций его концептосферы, которая складывается из той или иной суммы концептов, «живущих» в отдельных произведениях². В рамках настоящей статьи мы остановимся на специфике функционирования и использования концептов «дом», «природа», «вода» в стихотворении Н.И. Тряпкина «Легенда» (1953).

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы имеем в виду художественные концепты, которые по своей сути «индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны; это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности»³.

¹ Соколов-Микитов И.С. Автобиографические заметки// Соколов-Микитов И.С. Собр. соч. Т. 3. С.187.

² См., например: Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

³ Там же. С. 35.